

УДК 316.346.32-053.6

ОПЫТ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВОЗРАСТНЫХ ГРАНИЦ МОЛОДЕЖИ В ХОДЕ ЭМПИРИЧЕСКОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Руденкин Дмитрий Васильевич

кандидат социологических наук

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург

author@apriori-journal.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о том, как возможно определить возрастные границы представителей молодежи в конкретном социологическом исследовании. В первой половине статьи автор поясняет основные методические трудности, которые связаны с установлением таких границ и предлагает собственный подход к решению проблемы, базирующийся на двух идеях: принципе комплексности и принципе относительности. Во второй части описан пример использования предложенного подхода в исследовании политической культуры российской молодежи, которое было проведено автором в конце 2011 г.

Ключевые слова: молодежь; возрастные границы; возрастные интервалы; политическая культура; социологическое исследование.

VERIFICATION OF YOUTH AGE LIMITS IN EMPIRICAL SOCIOLOGICAL RESEARCH

Rudenkin Dmitry Vasilievich

PhD in sociology

Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg

Abstract. The article is devoted to the problem of verification of age limits distinctive for young people as a social group. In the beginning of the paper author describes basic difficulties, associated with finding of such age limits and offers his own solution for these difficulties. The second half of the article describes an example of using of this solution in a study of young people's political culture, which was conducted by the author in 2011.

Key words: youth; age limits; age ranges; political culture; sociological research.

Один из основополагающих методологических аспектов любого социологического исследования молодежи – уточнение возрастных границ, которые отличают ее представителей от членов иных возрастных групп. Этот непростой вопрос неизбежно вытекает из многообразных определений молодежи, которыми располагает современная социально-гуманитарная наука. Вне зависимости от того, к каким методологическим традициям тяготеет в своих рассуждениях тот или иной социолог, чаще всего молодежь рассматривается как социальная агрегация, объединяющая наиболее молодых представителей общества, которым в силу некоего небольшого возраста присущи специфические физические, психические, культурные черты и своеобразные поведенческие практики. Иначе говоря, само понимание молодежи выводит на первый план идею о том, что специфика сознания и поведения человека зависит от того, в каком возрасте он находится. При этом в самих определениях зачастую не фигурирует точных указаний на то, что именно корректно понимать под «молодым возрастом». И фактически каждому конкретному ученому приходится искать ответ на этот непростой вопрос самостоятельно. В настоящей статье вниманию читателя предлагается описание одного из подходов к определению возраста, характерного представителям молодежи, а также приводится пример использования этого подхода в рамках конкретного исследовательского проекта.

Специфика выделения возрастных интервалов молодежи в современной социально-гуманитарной науке

Трудность исходного для статьи вопроса заключается в том, что представления о специфике возрастных границ молодежи в социально-гуманитарной науке весьма неоднородны и вызывают много дискуссий. Как таковая проблема определения возрастных границ возникла в социологии давно, и появление ее обусловлено самой сутью социологического подхода к анализу этой социальной группы. В точных науках, та-

ких, как демография или статистика, возрастные границы молодежи выделены более или менее жестко и в основном определяются как период с 14-15 до 29-30 лет¹. С социологической же точки зрения, выделение подобных жестких и универсальных границ – решение довольно спорное. Трудность заключается как в многообразии социологических концепций молодежи (каждая из которых способна по-своему ответить на вопрос о корректных возрастных границах молодежи), так и в сложности самого феномена молодежи, положение которой в разных культурно-исторических контекстах может существенно различаться. Сложность этого методологического вопроса хорошо иллюстрирует тот факт, что в социологической литературе получила определенное распространение позиция, согласно которой выделение возрастных границ молодежи в научных исследованиях вообще принципиально условно.

В пользу такой позиции действительно есть некоторые вполне логичные аргументы. Можно, в частности, упомянуть исследования М. Мид, которая в своих работах показывала: во многих примитивных сообществах молодежь как некий отдельный элемент социальной структуры вообще отсутствует – по крайней мере, в том понимании, которое привычно европейцам. Переход от детского состояния к взрослому в этих сообществах регулируется исключительно ритуалами, момент прохождения которых каждое сообщество определяет по собственным критериям, в результате чего пребывание человека в состоянии «молодости» там фактически отсутствует: из «детского» состояния человек после прохождения некоего специального ритуала сразу попадает во «взрослое» [2, с. 26-38]. М. Бейзерман и Д. Магнуссон полагают, что условность в определении возрастных границ молодежи в силу объективных причин присуща и современному обществу. По их мнению, наиболее молодые представители общества часто оказываются гораздо

¹Например, Федеральная служба государственной статистики РФ в своих расчетах ограничивает возрастные границы молодежи периодом между 15 и 29 годами [1, с. 8].

компетентнее в новых для общества коммуникативных, профессиональных и иных практиках, поэтому сама граница между детством, молодостью и взрослостью становится размытой и гибкой [3, с. 59]. Наконец, в пользу условности возрастных границ, характерных представителям молодежи, говорит и тот факт, что в разных культурно-исторических контекстах люди определяют возраст представителей молодежи по-разному. В частности, как отмечают, Ю.Р. Вишневский и В.Т. Шапко, в странах Запада сложились совершенно различные критерии к определению возрастных границ молодежи, несмотря на то, что устройство в общества в этих странах практически одно и то же [4, с. 59]². Разумеется, все эти обстоятельства сами по себе еще не говорят о том, что вопрос о четких возрастных границах молодежи не следует ставить вообще. Однако ясно, что поиск таких границ – крайне запутанная задача.

Тем не менее, использование более или менее жестких возрастных границ молодежи важно и даже необходимо для проведения социологических исследований, особенно если эти исследования предполагают применение количественной методологии. В противном случае сам объект анализа становится настолько нечетким, что сопоставить результаты с данными других научных проектов будет весьма затруднительно. Два исследования молодежи, в которых не указаны возрастные границы, принципиально несопоставимы между собой: в таких обстоятельствах будет совершенно не ясно, какую именно «молодежь» изучал каждый из авторов. Например, весьма вероятна ситуация, когда два социолога писали свои работы о некой «молодежи», но один из них понимал под ней людей в возрасте от 14 до 25 лет, а второй использовал границу в 18-30 лет. Можно ли в такой ситуации проводить сравнения результатов и как именно их делать, – вопрос более чем дискуссионный. Именно поэтому

² В указанной работе авторы отмечают, в частности, что в США к молодежи чаще всего причисляют людей в возрасте от 13-14 до 29-30 лет. В то же время, в странах Европы применяют иные границы: в Великобритании и Нидерландах под молодежью понимают граждан в возрасте 14-25 лет, в Испании – от 14 до 32-34 лет, а в Эстонии – и вовсе от 7 до 26 лет.

при реализации любого социологического исследования молодежи все же необходимо указывать четкие возрастные границы изучаемого объекта. Стоит помнить и о том, что знание точного возрастного интервала требуется также для многих технических и математических процедур, которые связаны с проведением исследовательских работ: расчета выборки, подсчетов одномерных распределений, проверки статистических взаимосвязей.

Мы намеренно так скрупулезно описываем здесь сложности и вопросы, которые связаны с определением возрастных границ молодежи, чтобы подчеркнуть: в практике социологических исследований молодежи сложилась во многом парадоксальная ситуация. С одной стороны, какой бы возраст ученый ни приписывал представителям молодежи в ходе своего исследовательского проекта, всегда сохранятся аргументы, показывающие, что его выбор условен, а границы можно определить как-то иначе. С другой же стороны, чаще всего исследователю просто необходимо использовать в работе именно жесткие границы, так как они требуются и для реализации технических процедур, и для корректного сопоставления полученных выводов с результатами других научных работ. Мы полагаем, что одно из допустимых решений этого методологического парадокса – применение *контекстуальных возрастных интервалов* для выделения молодежного возраста. В основу формирования таких возрастных интервалов мы предлагаем положить две базовых позиции: принцип комплексности и принцип относительности.

Принцип комплексности подразумевает недостаточность установления только нижней или только верхней границы молодежного возраста. Установление четких возрастных границ должно предполагать получение ответов на три взаимосвязанных вопроса. Во-первых, каков минимальный возраст людей, которые рассматриваются в исследовании в качестве представителей молодежи? Во-вторых, какой возраст исследователь посчитал максимальным для представителей молодежи? Нако-

нец, в-третьих, какие внутренние возрастные подгруппы исследователь выделяет между нижней и верхней границей? Разумеется, если тема исследования поставлена узко, то список вопросов может быть и короче. Например, ученого, который в силу темы исследования фокусируется на ограниченной возрастной подгруппе (допустим, только на людях в возрасте 18 лет) вряд ли будут интересовать другие возрастные интервалы. Однако в исследованиях, рассматривающих молодежь как целостную социальную агрегацию, важно оговаривать и нижнюю границу молодежного возраста, и его верхнюю границу, и интервалы, которые расположены между ними. Только в этом случае, по нашему мнению, будут обеспечены корректность, прозрачность и точность проводимых расчетов, а также сопоставимость результатов с выводами других исследований.

В свою очередь, *принцип относительности* подразумевает априорную невозможность верифицировать универсальные возрастные границы, которые будут присущи молодежи всегда и везде. Выше мы уже отмечали: жители разных стран или разных временных эпох способны существенно расходиться во взглядах на то, в каком возрасте человек является представителем молодежи, а в каком – нет. Поэтому возрастные границы, релевантные, например, для современного российского общества, могут существенно отличаться от представлений о молодежном возрасте в странах Европы или в Китае. Более того, потенциально они могут противоречить представлениям о молодежи, которые были приняты в самой России сто лет назад. Кроме того, даже в рамках одного культурно-исторического контекста взгляды на возрастные границы молодежи могут расходиться в разных сферах жизни общества. Так, при анализе молодежной преступности, нижнюю возрастную границу разумно определить в 14 лет, поскольку уголовная ответственность за правонарушения в России наступает именно в этом возрасте. В то же время, при исследовании брачного поведения российской молодежи более оправдана граница в 16 лет, так как именно этот возраст является ми-

нимальным для вступления в брак в России. Следовательно, важно учитывать, что возрастные границы молодежи должны определяться с ориентацией на контекст, в котором происходит исследование, и тему, которую поднимает автор.

Таким образом, применение контекстуальных возрастных интервалов для верификации возрастных границ молодежи позволяет решить обе из обозначенных выше проблем и разрешить отмеченный нами парадокс. При использовании этого подхода в распоряжении исследователя оказывается комплексная возрастная градация, которую он может использовать для проведения всех необходимых расчетов и при этом получать результаты, которые можно будет сопоставить с данными других авторов. В то же самое время, пользуясь такой градацией, социолог изначально ограничивает применимость предлагаемого им возрастного интервала только тем культурно-историческим контекстом, в котором он проводит свое исследование, и только той сферой жизни молодежи, которую он подвергает анализу. В итоге применение контекстуальных возрастных интервалов позволяет ясно и однозначно ограничить возраст изучаемой молодежи в рамках конкретного исследования, и одновременно избежать неоправданных обобщений или спорных экстраполяций. Результатом их применения становится четкая и прозрачная для других исследователей шкала, которая, тем не менее, не претендует на абсолютность и неопровержимость в иных контекстах.

Контекстуальные возрастные интервалы молодежи: опыт практического использования

Для того чтобы проиллюстрировать механизм применения контекстуальных возрастных интервалов, сошлемся на наш собственный опыт использования этого подхода в исследовательской практике. Именно на использование таких интервалов мы опирались, реализуя свое социологическое исследование, посвященное политической культуре российской

молодежи постсоветского периода. Соответственно, опираясь на принцип комплексности, мы должны были установить, каковы минимальный и максимальный возраст молодых людей, представляющих для нас интерес, а также какие возрастные периоды нам разумнее всего будет выделить между этими границами. Кроме того, мы принимали во внимание принцип относительности, поэтому от нас требовалось определить такие показатели, которые будут релевантны именно для молодежи, проживающей в российском обществе 2011 г., и позволят сфокусировать внимание на тех действиях, которые она склонна совершать в политической сфере жизни общества.

Первым шагом в построении контекстуальных возрастных интервалов стало определение нижней возрастной границы. В исследованиях российской молодежи нижний возраст принято определять по-разному. Точно известно, что применялись границы в 14 лет [5, с. 164], 15 лет [6, с. 42], 16 лет [7, с. 96], 17 лет [8, с. 37] и 18 лет [9, с. 91]. Несколько больше остальных оказалась распространена граница в 14 лет³. Однако мы исходили из принципа относительности, поэтому нас интересовали не все жизненные практики российской молодежи, а лишь ее участие в политической жизни общества. Как справедливо отмечает В.Б. Звоновский, большинство молодых россиян в возрасте 14-17 лет еще не имеют сформировавшихся политических взглядов, а набор доступных им политических практик заведомо ограничен [11, с. 54]. Кроме того, чисто формально полноценным участником политической жизни граждан России становится лишь в 18 лет, так как именно в этом возрасте он получает возможность голосовать на выборах. Приняв во внимание эту аргументацию, мы решили в ходе своего исследования относить к молодежи лишь молодых россиян старше 18 лет.

³С.О. Елишев даже характеризовал границу в 14 лет как «общепризнанную» [10, с. 188]. Это обобщение, на наш взгляд, не бесспорно. Однако граница в 14 лет действительно применяется отечественными социологами несколько чаще прочих.

Вторым шагом стало определение верхней возрастной границы. Разброс верхних возрастных границ молодежи, которые применялись российскими исследователями, оказался тоже большим. Известны случаи, в которых исследователи ограничивали возраст российской молодежи значением в 24 года [12, с. 46], 25 лет [13, с. 192], 26 лет [14, с. 8], 28 лет [15, с. 27-28], 29 лет [16, с. 23], 34 года [17, с. 23] и 35 лет [18, с. 4]. Чтобы определить верхнюю возрастную границу, приемлемую для анализа именно политических практик российской молодежи, мы опирались на нормативные документы, регламентирующие молодежную политику российского государства. Наша логика в данном случае заключалась в следующем: если само государство как ведущий политический институт относит к молодежи людей младше определенного возраста, то это значит, что после достижения этой возрастной черты государственные органы меняют характер своего взаимодействия с гражданином. Следовательно, при достижении этого возраста меняются и практики политического участия человека, так как взаимодействие с органами государственной власти – это одна из ведущих сфер политического поведения. Обсуждавшийся проект Федерального Закона об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации, а также нормативные акты Федерального агентства по делам молодежи исходят из того, что молодежь – это люди не старше 30 лет⁴. Принимая это во внимание, именно показатель 30 лет мы определили в качестве верхней границы молодежного возраста.

Наконец, *третьей задачей* стало установление внутренних возрастных интервалов, которые находятся между 18 и 30 годами. В решении этой задачи мы опирались на идею, которую встречали в трудах В.Н. Боряза [21, с. 133-134] и Б.А. Ручкина [9, с. 90-98]: внутренние гра-

⁴ В этом легко убедиться, ознакомившись с содержанием проекта Федерального Закона об основах государственной молодежной политики [19] и действующим в России реестром молодежных и детских общественных объединений [20]. В обоих случаях к молодежи отнесены именно люди не старше 30 лет.

дации молодежного возраста должны соотноситься со стадиями социального развития, которые в тот или иной момент жизни проходят представители молодежи того или иного государства. Согласившись с этим мнением, мы посчитали уместным разделить весь молодежный возраст на три интервала. Каждый из них предполагает своеобразный этап жизненного цикла и связан со специфической деятельностью, а значит – и с особыми установками на участие в политической жизни общества. Первый возрастной интервал – это период обучения в средних и высших учебных заведениях, он длится от 18 до 22 лет. Второй – период начала профессиональной деятельности и обретения экономической и личной самостоятельности, он находится в промежутке между 23 и 27 годами. Наконец, третий интервал – это этап создания собственной семьи и рождения собственных детей, он продолжается с 28 до 30 лет. Мы исходили из того, что на каждом из этих этапов человек сфокусирован на своеобразных жизненных практиках, а значит – цели и модели его политического поведения могут на этих этапах различаться.

В итоге применение контекстуальных возрастных интервалов позволило нам в своем исследовании разработать модель, релевантную для исследования политической культуры российской молодежи в постсоветский период. Удалось обозначить общие возрастные границы как 18-30 лет и выделить в структуре этого интервала три промежутка: от 18 до 22 лет, от 23 до 27 лет и от 28 до 30 лет. Разумеется, эти границы все равно оказались условны и оправданы в контексте именно тех вопросов, которые были поставлены в нашем исследовании. Тем не менее, они помогли реализации задуманного исследования политической культуры российской молодежи и способствовали тому, чтобы принципы организации этого исследования оказались полностью открыты для других исследователей.

Заключение

В целом, по нашему опыту, применение контекстуальных возрастных интервалов показало себя как удобный прием в верификации возрастных границ молодежи для конкретного социологического исследования. Такое решение позволяет получить подробную систему возрастных интервалов, которые можно использовать для проведения всех исследовательских расчетов. В то же время, применяя это решение, исследователь заранее оговаривается: разработанная им система возрастных границ релевантна именно тому контексту и именно той сфере жизни общества, которую он исследует, но в иных обстоятельствах эта система может выглядеть по-другому. Поэтому применение контекстуальных возрастных интервалов позволяет использовать в исследовании относительно точную и прозрачную систему возрастных границ, но при этом страхует автора от преувеличенных обобщений об универсальности этих границ.

Список использованных источников

1. Молодежь в России. 2010. Росстат. М., 2010.
2. Mead M. Coming age in Samoa. A Psychological Study of Primitive Youth for Western Civilization. N.Y., 1928.
3. Baizernian M., Magnuson D. Do we still need youth as a social stage? // Young. 1996. № 4. P. 48-60.
4. Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т. Социология молодежи. Екатеринбург, 2006. 430 с.
5. Гордеев К.А. Правосознание современной российской молодежи // Мониторинг общественного мнения. 2009. № 5 (93). С. 164-179.
6. Зубок Ю.А. Проблемы социального развития молодежи в условиях риска // Социологические исследования. 2003. №. 4. С. 42-51.

7. Гомбоева М.И. Молодежь как социокультурное явление: методологические подходы к определению системообразующего противоречия // Гуманитарный вектор. 2008. № 1. С 95-99.
8. Григорьев С.И. 17-летние россияне 1997 года: сочетание либеральных и антилиберальных ориентаций // Социологические исследования. 1998. № 8. С. 36-46.
9. Ручкин Б.А. Молодежь и становление новой России // Социологические исследования. 1998. № 5. С. 90-98.
10. Елишев С.О. Современные подходы к определению понятия «молодежь» в социологии // Вестник Московского Государственного Университета. Серия 18: Социология и политология. 2009. Т. 18. № 3. С. 187-189.
11. Звоновский В.Б. Политика в пространстве жизненных интересов молодежи // Вестник общественного мнения. 2007. № 1 (87). С. 54-61.
12. Ентелис Г.С. Возраст и возрастные пределы категории «молодежь» // Методологические проблемы исследования молодежи: материалы к дискуссии. М., 1998.
13. Лебедев П. Вместе веселее, или Один в поле не воин (портреты молодых активистов) // Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры. М., 2008. С. 191-230.
14. Чупров В.И. Молодежь: духовное воспроизводство в условиях риска // Вестник Российского Университета Дружбы Народов. 2005. №. 6-7. С. 7-17.
15. Бабочкин П.И. Молодежь в структуре современного российского общества // Методологические проблемы исследования молодежи: материалы к дискуссии. М., 1998.
16. Паутова Л.А. Молодежная безработица: реальность кризиса или «придуманная» проблема? // Новая социальная реальность. 2009. № 12 (18). С. 23-24.

17. Зоркая Н.А. Молодежь: типы адаптации, оценка перемен, установки на социальное достижение // Мониторинг общественного мнения. 2001. № 2 (52). С. 23-30.
18. Багиров Б.Б., Генин Л.В., Попов В.Г., Руденкин В.Н. Молодежь в условиях российских реформ: эволюция экономических, политических и духовных ориентаций / под ред. Л.Н. Когана. Екатеринбург, 1992.
19. Федеральный Закон об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации (проект) // Единый портал молодежного парламентского движения в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.newparlament.ru/docs/view/21> (работоспособность ссылки проверена 06.06.2015).
20. Федеральный реестр молодежных и детских общественных объединений, пользующихся государственной поддержкой, утвержденный приказом Федерального агентства по делам молодежи № 203 от 01.06.2012 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fadm.gov.ru/docs/11/12998/?sphrase_id=30380 (работоспособность ссылки проверена 06.06.2015).
21. Боряз В.Н. Молодежь: методологические проблемы исследования. Л., 1973. 155 с.